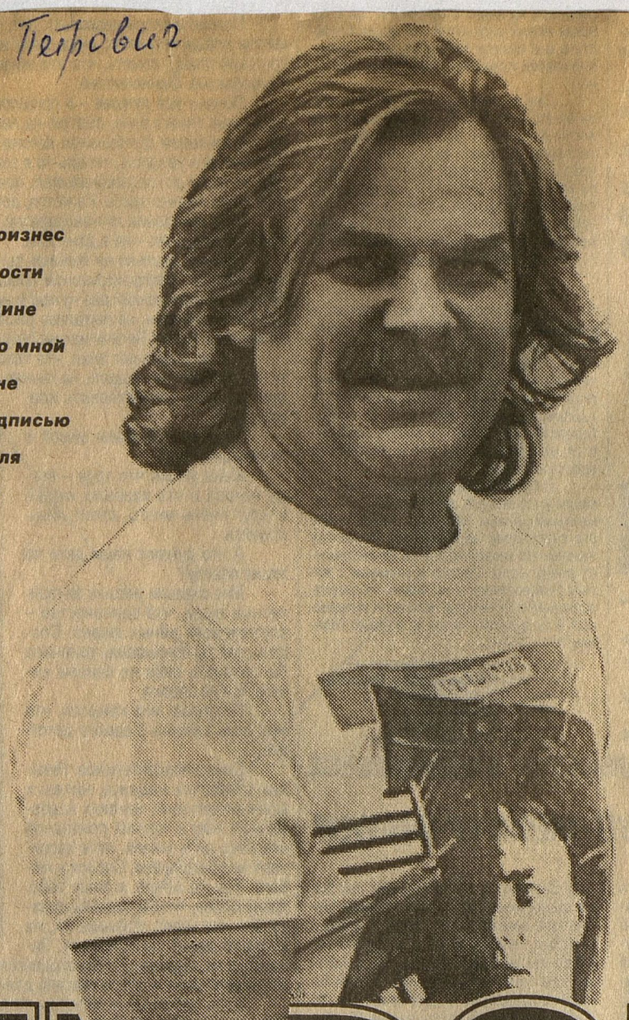
Пресняков Вл. Петрович

284

22.01.94



После "Здрасьте!" Петрович произнес скороговоркой, лишая возможности возразить: "С Вовой вы в середине разговора перешли на "ты", а со мной давайте сразу," – и протянул мне аудиокассету с дарственной надписью "Андрею – Sgt. P.": вариаций для саксофона с оркестром на тему битловского "Оркестра Клуба одиноких сердец сержанта П(эпера)" отечественного сержанта П(реснякова). "Эта запись – лучшее, что мне удалось сделать за последний год". Я обещал обязательно послушать, но только после нашей беседы.

Жизнеописание семьи Пресняковых продолжилось...

Вл. Петрович

ПЕТРОВИЧ

моск. правда, - 1994 - 22 янв. - с. 3.

– Значит, на "ты"?

– Пожалуйста. Я сразу начинаю себя стариком ощущать, когда мне выкают. Да и мне удобнее к собеседнику на "ты" обращаться, без церемоний. Я ведь человек простой, мне эти антимонии ни к чему.

– Тогда – к делу. Давай для затравки оттолкнемся от опубликованного в предыдущем номере "Нового Взгляда" интервью с твоим сыном. Скажи честно: ты узнал Пресного в той беседе?

– Конечно. Это Вова.

– Володя не стал расшифровывать, почему ты в свое время крепко наехал из-за него на музыкантов "Круиза". В какую такую историю чуть не вляпался по их милости Пресный?

– Ну-у-у, это тайна, покрытая мраком.

– А мне казалось, что мы встретились для того, чтобы свет проливать.

– Скажу лишь, что это связано с девушками. Точнее – с женщинами.

– Несчастная любовь?

– Какая там любовь! Однодневное приключение.

– Значит, последствия этого приключения?

– Можно и так выразиться. Моральные последствия. Вернее, даже не моральные, а физические.

– Так все же моральные или физические?

– Ну, со здоровьем у Володи кое-что случилось.

– Как к месту и не к месту говорит один мой коллега, Боже мой, мы же взрослые люди, к чему эти недомолвки? Уже и тупому ясно, что речь идет о... Заканчивай фразу, Петрович.

– Господи, да ничего такого страшного! Во всяком случае, не о тех жутких болезнях, которые сегодня так популярны, речь. В случае, о котором ты спрашиваешь, все ограничилось хворью, в народе называемой "насморком". Только не заставляй медицинский термин употреблять.

– Сколько лет тогда было Вологе?

– Кажется, четырнадцать. Конечно, по молодости всякое случается. И я в свое время по глупости этот самый "насморк" подхватывал, но в ситуации с сыном меня поразило, что он так рано окунулся в половую жизнь. Поэтому, наверное, я столь болезненно и прореагировал, когда Володя пришел ко мне и честно признался, что у него возникли проблемы весьма определенного свойства.

– До рукоприкладства дошло?

– Нет, что ты! Своим друзьям из "Круиза" я просто высказал неудовольствие: мол, мужики, я вам сына доверил, а вы... С Вовой же долго воспитательные беседы проводил.

– Подействовало?

– Кажется, сын меня понял. Я пытался объяснить, что секс – штука, конечно, приятная, но за любое удовольствие приходится в жизни платить. Главное, чтобы цена не оказалась слишком высокой.

– Современные родители поступают проще: без лишних слов выдают достигшему молочной спелости молодняку пачку презервативов, освобождая себя от необходимости заниматься морализаторством.

Нет, я презервативы Володе не подсовывал. Сейчас – да, так бы, наверное, и сделал, но ведь прежде реклама здорового секса была не столь развита, последствия чего я и на своем организме ощутил. Мои старые друзья иногда даже говорят Вове: ты не считай себя самым крутым, когда-то и твой отец такие костры разжигал, которые тебе и не снились. Правда, в кожвендиспансер я все равно обратился попозже, чем Вова, – лет в 16-17. Однако и время тогда было совсем иное. Мне, например, к врачам приходилось тайком от родителей бегать, иначе бы зашибли. А Володя ко мне открыто пришел, все рассказал.

– Время изменилось, но суть осталась прежней. Может, это у вас наследственное: подхватывать всякие интересные болезни?

– Дело не в нас с Володей. Подобные радости-неприятности многих рок-музыкантов сопровождают.

– Издержки профессии?

– Скорее стиль жизни, большую часть которой артистам приходится проводить на колесах – в поездках, в турне, на гастролях. Бытовую неустроенность многие пытаются подавить с помощью нарочитой веселости нрава, демонстративно-наплевательского отношения к возможным последствиям того или иного своего шага.

Опять же – соблазны. Не у всех есть голова на плечах, чтобы устоять перед ними. Хотя, по правде говоря, сделать это непросто, если помнить, что после каждого концерта тебя у служебного входа поджидают молоденькие девчонки, готовые на все. А в юности, как известно, любая юбка нравится. Поэтому...

– Процитирую еще одного своего приятеля, который, подавая чужому ребенку конфетку, приговаривает: "А вдруг – мой?". Признайся, Петрович: никогда не задумывался над тем, что бегают где-нибудь по свету байстрюки, наструганные тобой в период непутевой молодости?

– Что теперь думать? Во всяком случае, пока я ни от кого не слышал претензий на приписываемое мне отцовство.

– А Володина песня "Незаконнорожденный мой сын" построена на реальном материале?

– Мало ли чего в песнях не напишешь...

Нет, погоди так многозначительно улыбаться. Если превратное впечатление создалось, значит, я не так ответил или ты не так спросил. Мы с Вовой, конечно, не святые, но период юношеской голодухи, сам понимаешь, миновал, а в остальном сын и я достаточно серьезные люди, чтобы не делать глупостей.

– Володя в интервью особенно напирал на приятельский характер отношений с тобой. Безусловно, хорошо, когда отец с сыном друзья, но в такой ситуации уже трудно становится требовать и предъявлять претензии собственному чаду. Друга ведь не накажешь и в угол не поставишь.

– Если мне требовалось проявить твердость, я это делал без стеснения. Разумеется, особенно часто приходилось прибегать к сильнодействующим средствам, когда Володя был в подростковом возрасте.

Помню, однажды застукал Вову курящим в туалете. Ему тогда лет тринадцать было. Дымом из-под двери потянуло, я унюхал, вытащил сына на свет божий и надавал, как следует.

– Ремнем по заднице?

– Просто навешал тумаков, не разбирая куда. Не сдержался. Володя даже убежал, хлопнув дверью, пару ночей провел где-то на стороне.

– Это был первый случай, когда он из-за ссоры ушел из дома?

– Первый и последний.

А вообще у нас в ту пору довольно часто случались стычки. В основном из-за школы. То Вовка на уроке что-нибудь учудит, то просто неделями на занятия не ходит. Нас с матерью постоянно вызывали учителя для проработок. Я, как мог, пытался принимать меры. Сын обещал исправиться. Но ведь не проследишь: с утра он брал портфель и уходил как бы в школу, а на самом деле слонялся незнамо где. В конце концов тайное становилось явным, и мне по-новой приходилось браться за душеспасительные беседы. Я по-разному пробовал – и увещевал, и орал... Пока однажды меня не пронзила мысль о том, что я сам в Вовкины годы был ничуть не лучше. Я вспомнил, как люто ненавидел родителей за то, что они мне нотации читали, наказывать пытались, унижали морально. Я вдруг живо представил, что и мой сын через силу выслушивает меня, зубами скрипит и думает, внутренне матерясь: мудак ты старый!

Так мне от этой мысли поплохело, что я зарекся на будущее подобными методами сына воспитывать. Вместо этого я другую тактику избрал: стал говорить прямо противоположное тому, к чему раньше призывал. Неохота Володе в школу идти, он ищет повод, чтобы сачкануть, я ему и подыгрываю: "Правильно, отдыхай, на кой ляд тебе эти уроки сдались?" Вова понимал, что я его раскусил, дальше прикидываться больным не имело смысла, поэтому он быстро собирался и уходил в школу.

Какие-то выходки я сознательно оставлял без внимания. Иногда шел и совсем на антипедагогические действия. Приходил из школы после очередного вызова на ковер и говорил: "Эта твоя учительница полная идиотка. Абсолютно с тобой согласен".

– Вова всегда плохо учился?

– Ну как сказать... По музыке, например, он быстро все схватывал. По остальным предметам, действительно, были неважные отметки.

– Из-за неполного среднего образования сын не комплексует?

– Нет, ничуть. Корочка ведь сегодня не так жизненно необходима, как прежде. Это раньше без диплома могли не аттестовать, тарифную ставку меньшую назначить. Во многом из-за этого я вынужден был заканчивать музыкальное училище – в противном случае путь на эстраду мне был бы закрыт. Я даже в консерваторию поступил, но учиться не пошел. Как представил, что еще пять лет за ученической партой сидеть... На тот момент я уже руководил профессиональным ансамблем в Свердловске, поэтому снова влезать в форму школяра не захотелось.

А перед Вовой проблема утверждения себя в жизни с помощью диплома просто уже не стояла в силу все тех же переменившихся обстоятельств.

– Согласен, сегодня наконец-то стали встречать по уму, а не по бумажке с печатью, но ведь и отрицать пользу образования тоже глупо. Я это и потому еще говорю, что применительно к Вологе тему недоучки поднимают в свете его неспособности учиться в силу... в силу...

– Не мучайся, пытаясь слово помягче подобрать. Я понимаю, о чем ты хочешь сказать. О Володе болтают, что якобы он дурачок, чуть ли не сумасшедший, поэтому, мол, и ни одного училища закончить не смог. Но о таких вещах нелепо и смешно говорить всерьез. Что же мне теперь кричать: мой сын хороший, умный? Это был бы полный идиотизм. Да, действительно, Володя проходил обследование в психиатрической больнице, у него нашли какие-то особенности, ну и что? Я даже точный диагноз не знаю. Для меня и для всех, кто мало-мальски знает Вову, совершенно очевидно, что он абсолютно нормальный человек... Ну, может быть, есть в сыне легкая дуринка, не приносящая никому вреда. Все, больше ничего.

– Эта дуринка в повседневной жизни как-то проявляется?

– Вова уходит в себя. Он настолько погружается в собственный внутренний мир, что перестает обращать внимание на окружающее. Ты же сам в интервью с Вовой дал определение: человек не от мира сего, тот, кого в народе называют блаженным.

Володя и не пытается отрицать, что он другой, непохожий на других. Но это ведь еще не повод говорить о его ненормальности?

– Не спорю. Более того, не призываю тебя признавать то, чего нет. Просто в порядке реплики хочу напомнить: сегодня, к счастью, уже перестали скрывать тот факт, что многие гениальные писатели, музыканты, художники были шизофрениками. Это относится к Шекспиру, Достоевскому, Пикассо, Моцарту, Ван Гогу, Феллини...

– Шизофрения? Да нет, наверное. Не знаю. Блаженство, одним словом. Таких наши люди всегда любили и любят сейчас.

– Помню, Володя обиделся на меня, когда я позволил себе усомниться в том, что мирские проблемы его не трогают.

– Не в обиде дело. Сын прекрасно понимает, что работа журналиста вынуждает не принимать все сказанное на веру. Другой вопрос, что откровенная беседа предполагает определенный уровень доверия друг к другу, поэтому Вову и могли задеть твои слова.

– Я шел на сознательную провокацию, поскольку реально представлял себе читателей – фом неверующих, качающих скептически головой: "Как же, как же, пускай Пресный не заливает, что его сумма гонорара за концерт не волнует!"

– Да не волнует его это, не волнует! Когда тебе голод не угрожает, когда ты волен не думать о добыче куска хлеба насущного, можно не суетиться из-за лишнего нуля в гонорарной ведомости.

У нас в семье вообще никогда алчные люди не водились. Понимаешь, не нужны нам ни "Роллс-Ройсы", ни царские хоромы. Мы, к примеру, третий год впятером живем в трехкомнатной квартире в далеко не самом престижном Медведкове. В одной комнате Вова с Кристиной, в другой – мы с Леной, в третьей – маленький Никитка. И ничего, вполне помещаемся, никто не чувствует себя стесненным. Гости приходят, и им место находим.

– Петрович, но ведь мир не ограничивается стенами вашей квартиры!

– Каждый берет от жизни то, что ищет. Кому-то нужна слава, кому-то богатство, Пресняковы же кайфуют просто от того, что имеют возможность выходить на сцену, выступать перед зрителями. Конечно, вокруг много всякого и остаться в стороне от всей этой грязи непросто, но нас всегда спасало то, что в любой ситуации находились люди, готовые поддержать, помочь морально и материально.

– Однако ты же не станешь спорить, что как на одного заведующего приходится десять завидующих, так и на одного талантливого человека обязательно найдется десять злобствующих бездарей, исходящих желчью.

– В Володином интервью я прочитал, что он считает зависть людскую чувством посильнее любви. Это Вова мои слова где-то услышал и тебе повторил. Я согласен, что зависть обладает поразительной разрушительной силой. Но ведь и отрицательные эмоции имеют свой предел.

– Когда еще этот предел наступит! Возьмем конкретную ситуацию: живет молодая пара, и, судя по всему, живет вполне счастливо, что злопыхателей особенно бесит. Вдруг молодые ссорятся... Вместо того, чтобы дать двоим спокойно разобраться в своих отношениях, завистники подбрасывают дровишек в огонь, доводя локальную проблему до масштабов скандала.

– Вынужден признать, что искусство провокации отдельными нашими согражданами освоено прекрасно. Недавно одна корреспондентка, например, написала, что на очередной тусовке Володя появился в обществе девушки Люды, а Кристину сопровождал молодой человек Дима. Все, настроение испорчено. Писать в газету опровержение, что на вечеринку ребята ходили вдвоем, а Людмила и Дмитрий – директора Вовы и Кристины? Что оба директора – люди семейные?

Недобросовестный журналист дал волю фантазии, а испытанию подвергаются отношения наших ребят. Они ведь невольно начинают упрекать друг друга: не надо, мол, было отходить от меня ни на шаг, не давали бы повода для сплетен.

– А повода действительно нет? Скажи, как живущий с Володей и Кристиной стена в стену.

– Не стена в стену, а лицо в лицо.

– Тем более отвечай.

– Ты знаешь семью, в которой обходится без конфликтов? Я такую не встречал. У молодых особенно часто возникают проблемы и находятся причины для ссор. И у Володи с Кристиной периоды повышенного внимания друг к другу, взаимной нежности и трогательной заботы сменяются моментами неудовольствия и раздражения.

– Значит, в любви – периоды, а в ссорах – моменты? Но ведь еще Штирлиц учил не думать о секундах свысока: из таких мгновений и складывается жизнь.

– Смеешься?

Понимаешь, по-настоящему серьезных поводов разлюбить или тем более невзлюбить друг друга у ребят нет. Они ссорятся порой по таким пустякам, так по-детски обижаются друг на друга, что...

Единственно, с чем я готов согласиться, так это с Володиным беспокойством из-за чрезмерной занятости Кристины. Она параллельно играет в кино, снимается в видеоклипах, дает концерты... Мне просто жаль девочку, она спит по пять-шесть часов в сутки. Да и на семью остается все меньше времени.

– Во всяком случае, на сегодняшний день ни о каком разводе-разъезде речь не идет?

– Нет, хотя иногда Володя психанет, наговорит чего-нибудь и...

– Уйдет из дома?

– Да, на пару часов. В этом, кстати, он тоже удался в меня. Я ведь женился двадцатилетним и готов был взорваться по любому поводу, из-за одного слова. Посреди ночи хлопал дверью и убегал на улицу. А в Свердловске климат нетропический, я остывал до нужной температуры и домой возвращался. Лена быстро к моим выходкам привыкла, обычно со мной первая не заговаривала, а я искал повод замять инцидент. Кристина тоже учится особенности Вовкиного характера понимать.

– Кстати, когда Володя с Кристиной еще только женихался, он вас заранее проинформировал о своих планах или перед фактом поставил?

– Ни того, ни другого не требовалось. Весь их роман протекал на наших глазах. Поначалу они вместе ходили в кино, на дискотеки, потом стали встречаться все чаще и чаще. Догадаться, к чему дело идет, было нетрудно. Кристина нам с Леной сразу понравилась: хорошая девочка, скромная, хотя, может, даже чересчур скромная и тихая...

А потом Алла мне позвонила и говорит: "Володь, слушай, ты знаешь, что они уже того..." Я спрашиваю: "Чего того?" – "Чего-чего! Спят они друг с другом. Что делать будем?"

– Пугачева в гневе была?

– Нет, просто встревожена из-за дочери.

Я тогда Алле сказал: "Пусть сами разбираются". Она со мной согласилась. Володю Алла давно знала, еще с той поры, когда он совсем пацаном был, всегда хорошо к нему относилась.

Словом, мы решили не вмешиваться, дать возможность событиям развиваться естественным чередом. Помню, как Кристина, когда Володя лежал на обследовании в 15-й психиатрической больнице, просила, чтобы я брал ее с собой на свидания. Вова попал в отделение, где преобладали хронические алкоголики, и он так потешно пародировал своих новых знакомых. Сын у меня вообще весельчак... Те забавные рассказы из жизни пьяниц предназначались в основном Кристине, и я постепенно стал ощущать себя лишним на этих встречах в больнице.

– То, что Кристина вошла в ваш дом, не могло не способствовать сближению и с самой Аллой Борисовной, верно?

– Мы с Аллой и раньше были знакомы, она даже пела мою песню на одном из новогодних концертов. Но, безусловно, породнение привело к установлению более тесных отношений. Теперь мы обязательно Новый год встречаем все вместе...

– У нее или у вас?

– У нее. Дни рождения празднуем одной компанией. Алла часто без всякого повода приезжает к нам. Кристину проведать, с внуком поиграть. Я могу только повторить то, что сказал Володя: в жизни это очень добрая, мягкая женщина, отличная хозяйка.

– Я от Володи так и не получил внятного ответа, почему они с Кристиной живут в вашей квартире, а не в куда более просторной пугачевской?

– А что тут непонятного? Дело ведь не в размерах апартаментов. Алла живет в самом центре, там с Никитой уже не погуляешь, как у нас. У подъезда Аллиного дома вечно дежурят фанатки, что тоже не способствует спокойной жизни. В самой же квартире по сути офис: постоянно приходят и уходят самые разные люди – композиторы, поэты, всевозможные друзья и знакомые. Как туда с ребенком соваться? Ну и самый последний аргумент: бабушка Лена-то живет в Медведкове. Основная забота по уходу за ребенком лежит именно на моей жене. Алла бы и рада помочь, но как? У нее бизнес, гастроли, куча других забот. Лена же сознательно наступила на горло собственной песне и решила все силы отдать Никите. Кристина очень старается, но у нее ведь много своих творческих планов.

– А у Володи есть какие-то обязанности по дому?

– По сути нет. В бодрствующем состоянии он мало времени проводит дома. Обычно Володя спит очень долго, до трех-четырех часов дня. Зимой просыпается, когда на улице уже темно. Правда, и ложится Вова под утро. Он любит ночное время. Думает, слушает чужую музыку, сочиняет свою, записывается на студии. Отоспавшись, Вова уезжает по делам. Он очень дружен с Федей Бондарчуком, Степаном Михалковым, Антоном Табаковым, Филиппом Янковским. С каждым из них я лично знаком, время от времени ребята бывают у нас в гостях. Получилась своеобразная колония детей известных родителей, объединенная, естественно, не столько по этому признаку, сколько по родству взглядов, интересов, жизненных принципов. Убежден, что именно эти парни будут определять основные направления в нашем искусстве уже в ближайшие годы. Кстати, все ребята подобрались очень хорошие, порядочные, не испорченные и не избалованные.

– У меня нет оснований сомневаться в объективности твоих оценок, но когда ты говоришь о неизбалованности детей знаменитых пап и мам... Какими аргументами ты будешь убеждать читателя, что, к примеру, сыновья Никиты Михалкова и Олега Табакова росли в строгости и умеренности? Небось, папочки постоянно возили свои чада по заграницам, подарками забаливали, купленными в валютках продуктами откармливали, любые сумасбродные желания выполняли.

– Аргумент у меня один: эти ребята не могут быть избалованными потому, что они дети артистов, а те не в состоянии кого-либо баловать. И дело, конечно, не в деньгах. Попробую объяснить, не вдаваясь в теории и философствования. Все актеры, как и большинство людей творческих профессий, жуткие эгоцентристы. Они не всегда уделяют собственным детям достаточно внимания, наоборот, обычно обходят их родительской заботой.

– Что не мешает делать детей избалованными. Это ведь так просто: компенсировать недостаток внимания дорогими подарками и потаканием прихотям. Откупиться бывает проще, чем систематически заниматься воспитанием.

– Такое я допускаю. Хотя и не стал бы называть это попыткой откупиться, скорее желанием загладить родительскую вину.

– Называть-то можно по-разному, вопрос в сути.

– Да, я помню: когда в середине 70-х мы с женой впервые выехали за рубеж ("Самоцветы" гастролировали по ГДР), то почти на все командировочные накупили игрушек Володе. Чувствовали какие-то угрызения совести перед сыном.

Но все равно это нельзя назвать баловством. Так, разовая акция. У артистов дети растут, как трава в поле. Я же вижу по товарищам Володи, что они совсем не развращены жизнью.

Пример Кристины у меня постоянно перед глазами. Девочка у бабушки жила до самой ее смерти, какая там избалованность? Пожалуй, Кристина была гадким утенком.

– Петрович, извини, скоро интервью заканчивать, а мы поговорить обо всем успели, кроме тебя самого. Скажи, ты воспоминаниям предаваться любишь? Что на память приходит?

– Вспоминаю, какие прекрасные винные магазины были в пору моей молодости. Как вкусно там пахло! А выбор какой был! Штабелями стояли армянские коньяки, молдавские и грузинские вина. И никаких очередей. В рабочем Свердловске! А цены? Называть больно.

– А кроме вин, что-нибудь вспоминается?

– Да я о спиртном заговорил не потому, что такой уж любитель выпить. Просто штрих того времени. Еще грущу, вспоминая первые любови. Победы, огорчения. Второго, правда, было больше. Не забуду, как вечерами через весь город тащился провожать девушку, не имея ни малейшего шанса рассчитывать на взаимность. Нет, прекрасная была пора!

– Ты таким стариковским тоном это сказал...

– Может, мне пришло время цитировать Ларошфуко: "Старики потому так любят давать благие советы, что не способны подать дурные примеры"?

С некоторых пор я действительно стал степенным и сдержанным на эмоции и поступки.

– И переключился на чтение газет?

– У меня есть несколько любимых авторов, за которыми я слежу. Мне доставляет удовольствие их стиль, манера, умение четко излагать свои мысли.

– И политические статьи тоже читаешь?

– Политика сама лезет в нашу жизнь. Куда от нее спрячешься? И все-таки меня, наверное, можно считать аполитичным человеком, если иметь в виду, что я не могу определиться в симпатиях к тому или иному лидеру, блоку. Для меня эти многочисленные партии и общественные объединения, как зубная паста, рекламируемая по телевизору: что ни покажут, то самое лучшее, а на поверку все эти пасты-партии одного цвета и одного качества. Единственная организация, в которую я с удовольствием вступил бы, это партия любителей пива. Первым делом я поднял бы вопрос об исключении из партийных рядов всех поклонников баночного пива как извращенцев и перерожденцев. Лучшее пиво в мире делается в Хамовниках.

– А если в партию вступит еще один большой любитель пива – Владимир Жириновский?

– Кроме объединяющего нас чувства к прекрасному напитку есть немало и такого, что меня с Владимиром Вольфовичем весьма разнит. Хотя, безусловно, Жириновский – человек интересный.

– Уж не его поддержал ты на выборах в декабре?

– Я вообще не голосовал. Меня не было в Москве, а открепительные талоны я брать не стал. Я же говорю, что с симпатиями не определился. Для меня все кандидаты были на одно лицо. Особенно я умиляюсь любимой многими претендентами на депутатский мандат фразе: "Мы обещаем накормить народ". Сразу представляю таких мощных "МЫ-истов" и серый охлос в очереди к кормушкам.

Я по жизни склонен философствовать, поэтому давно для себя ответил на два вечных вопроса русской интеллигенции – "кто виноват?" и "что делать?". Я говорю так: "Никто и ничего".

Правда, есть и вторая версия ответов. Надо сказать себе: "Я виноват. Попытаюсь сделать хоть что-нибудь". Само собой этот путь более трудный, требующий выполнения определенных обязательств.

– Ты для себя из двух вариантов какой выбрал?

– К сожалению, первый: никто не виноват и ничего не делать.

...Может, я, кстати, и погорячился сказать "к сожалению". Многие беды нашей страны проистекали именно из-за того, что пытались обвинить не тех, кого следовало, что за дело брались те, кто понятия о нем не имеет. Я же занимаюсь своим ремеслом, в чужое не суюсь. Пишу музыку, играю, лежу на диване, читаю газеты и философствую. Почти Васисуалий Лоханкин.

– Ты и сына непротивленцем воспитал?

– Вова брал с меня пример.

– Теперь пришел черед взяться за внука?

– Пусть Никитка подрастет – посмотрим.

... А кассету с русской версией "Sgt. Peper's Lonely Hearts Club Band" я послушал. Класс, Петрович!

Андрей ВАНДЕНКО.

Фото Валерия СКОКОВА.